

Петуния Дурсли никогда бы не призналась никому из соседей, как сильно ее пугает племянник. Они бы никогда не поняли. "Он всего лишь мальчик", - сказала бы миссис Петтис, пренебрежительно махнув рукой. "Просто возьмите его под контроль и укоротите поводок".

"Мальчик будет вести себя так, как вы ему позволите", - сказала бы миссис Полкисс, что было бы иронично, учитывая то, как вели себя ее собственные дети.

Они никогда не могли понять, но Петуния знала, чего они не понимают. Она помнила, каково это - расти с рожденным ведьмой; она все еще носила душевные шрамы, даже если ее кожа была безупречна. Дело было не только в том, как Гарри смотрел на нее своими колдовскими зелеными глазами. Казалось, что он смотрит не сквозь неё, а глубже, чем положено. Дело было не в том, что он не плакал, когда следовало, и часто плакал, когда не следовало. И не в том, что он, казалось, с восторженным вниманием наблюдал за тем, чего в воздухе вовсе не было.

Нет, дело было в том, что он заставлял ее чувствовать себя так, когда она подходила к нему слишком близко. Не только она, но и любой другой человек. Когда она впервые взяла его на руки из корзины, которую Вернон нашел на ступеньках перед домом, ей показалось, что она держит в руках электрический провод. Волосы встали дыбом на шее и на руках, а живот скрутило и свело судорогой. Вернон не пытался удерживать мальчика - стоило ему протянуть к нему руку, как он тут же отдергивал ее.

"Один из них", - прорычал он. Он начал говорить о том, что не хотел бы видеть одного из них в своем доме. Однако когда Петуния прочитала вслух письмо, сопровождавшее младенца, лицо Вернона сначала покраснело, а потом побледнело. "Они бы не стали", - наконец прошептал он.

"Стали бы", - уверенно сказала ему Петуния. "Ты не представляешь, Вернон, каково это было, когда они пришли за его мамой, и что случилось сразу после. Они не задумываясь украли бы наш разум и сделали нас рабами, а если бы они не пришли, мальчик стал бы слишком опасен. Ты же помнишь, что случилось со мной и моей мамой!"

Она положила малыша обратно в корзину, но он тут же вылез и, ступая гораздо более твердыми ногами, чем Дадли в пятнадцать месяцев, направился прямо к ней. "Зеленый свет!" - сказал он с детским придыханием. "Куда мама? Зеленый свет!"

Ему было всего пятнадцать месяцев. Они гордились тем, что Дадли сказал "Мяч!" в пятнадцать месяцев.

"Возможно, нам придется взять его к себе, - сказал наконец Вернон, - но в письме ничего не сказано о том, как мы будем с ним обращаться. Он не будет моим сыном, и я не потерплю его глупостей".

Почти мгновенно семейная кошка Миттенс спустилась по лестнице со второго этажа, словно ее хвост был в огне. Петуния в шоке смотрела, как кошка бежит к Гарри, а затем налетает на него, опрокидывая карапуза на его ворсистую попу. "Варежка!" - сказал он, хихикая, когда кошка лизнула его.

Он никак не мог знать, как зовут кота.

Вернон избавился от животного на следующий день. Он не отнес его в приют, а отнес в задний сад и сломал ему шею, после чего закопал в кустах. Ещё более тревожным было то, как Гарри плакал всю следующую неделю, прося "Варежку" и повторяя: "Зелёный свет! Варежка!", пока Вернон не потерял всякое подобие самообладания и не бросил мальчика в чулан под лестницей.

И там он остался.

~~Firebird~~

~~Firebird~~

Гарри пошёл в школу раньше Дадли, но не потому, что тётя Петуния считала его умнее или способнее, а потому, что в три года он имел право на пять бесплатных занятий по два с половиной часа в неделю в местном детском саду, а она хотела, чтобы его не было дома.

Учительница, мисс Джейкоби, опустилась на колени, чтобы поприветствовать Гарри, когда тетя Петуния, улыбаясь, втокнула его в класс. "Привет... Гарри", - сказала она, но ее улыбка прервалась на полуслове, когда она поймала себя на том, что смотрит в самые неестественно зеленые глаза, которые она когда-либо видела. "Боже, какие у тебя яркие глаза!"

Он застенчиво улыбнулся, но ничего не сказал. "Я заберу его через два с половиной часа", - отрывисто сказала Петуния, повернулась и ушла от мальчика. Мисс Джейкоби слегка нахмурилась из-за резкой манеры женщины, а затем снова посмотрела на Гарри, который с интересом разглядывал комнату. Другие дети играли в своих центрах - девочки на кухне, мальчики и еще несколько девочек у блоков.

Другие дети не обращали на него внимания, поглощенные своими играми, а он просто стоял, словно застыв, и смотрел на них. "Гарри, - спросил Джейкоби, - ты бы хотел играть в центре?"

Он покачал головой.

"Ну, по крайней мере, позвольте мне показать вам все вокруг?" Она протянула ему руку; он долго смотрел на нее, словно она могла его поразить, но потом медленно поднял свою маленькую ладонь и положил в ее. Мисс Джейкоби попыталась скрыть испуг, когда его рука оказалась почти горячей и электрической. Ей потребовалась каждая унция самообладания, чтобы не отдернуть от него руку. Когда первоначальный шок прошел, она опустила глаза и увидела, что он смотрит на нее такими невозможными глазами и плачет без единого звука.

Встревоженная, она опустилась рядом с ним на колени и спросила: "С тобой все в порядке, милый?"

Как мог трехлетний ребенок, даже рожденный ведьмой, объяснить, как это прекрасно, когда кто-то держит его за руку после полутора лет изоляции? Единственный известный ему способ - броситься вперед и обнять ее. Мисс Джейкоби почувствовала себя так, словно ее ударило током, но, опять же, она сознательно боролась со своей первоначальной реакцией, и через мгновение шокирующее ощущение сменилось болью и чудесным, успокаивающим теплом, подобного которому она никогда не испытывала прежде, и она обнаружила, что не просто ответила на объятия, но и подняла маленького мальчика на руки. Она носила его на руках до конца дня, предоставив своим помощникам заниматься другими детьми в течение тех двух с половиной часов, что он был у нее.

Когда Петуния Дурсли вернулась с большим светловолосым мальчиком на руках, она, кажется, удивилась и даже встревожилась, увидев, что мисс Джейкоби держит Гарри.

На следующий день, когда Гарри не вернулся, мисс Джейкоби навела справки в приемной и узнала, что опекун Гарри перевел его в другую школу. Четырехлетняя учительница не могла понять, почему от этой новости у нее заслезились глаза и заныло сердце.

<http://tl.rulate.ru/book/104837/3675541>